
О задачах музеев в свете решений ЦК ВКПб о повышении идеологической работы

К заседанию в Институте Музее-краеведческой работы 2 апреля 1948

Александр Федорович Котс

Из всех последних резолюций, вынесенных ЦК Партии постановление об идеологической работе на культурном фронте в применении к науке и тем самым и музеев представляется сугубо **«историческим»**, поскольку от истолкования этого постановления зависят будут судьбы всей научной и музейной нашей деятельности на ближайшие десятилетия.

Начну с того, о чем возможно было бы и не упоминать: с горячего сочувствия самому факту этого постановления и разве только с сожаления, что не последовало оно раньше. Состоись оно это постановление ЦК годами двадцатью пятью раньше — и сколько омерзительной халтуры и пошлятины, как здешней фабрикации, так и в особенности зарубежной миновало бы миллионы молодых годов и молодых сердец.

Достаточно напомнить о той мутной, омерзительной волне американских фильмов, что еще недавно наводняли наши русские, советские экраны.. этой **«сто процентной»** концентрированной пошлятине, которой забивали, засоряли чувства и умы нашей советской молодежи...

Все эти американские так называемые «Кинозвезды» и пошляцкие их сутенеры-обожатели с их безупречными проборами и смокингами — все эти «шармеры» и «виверы» миллиардеры-процалыги-прожигатели, что общего между их долларовыми идеалами и нашими? Но лучше поздно, чем никогда, и пусть хоть с запозданием этой омерзительной волне американской пошлости поставлена давно желанная «плотина», должная перегородка. С нас достаточно «фокс-тратов», «джазов», «педикюров» мазанных ресниц и губ, всей этой квинт-эссенции, этой «нэк плюс ультра» накаленной, фольговой, маргариновой «культуры» Западной Европы и Америки, успевшей, к сожалению, инфицировать нашу родную русскую культуру.

Но бессильные остановить мазню ресниц и губ, мы горячо приветствуем любое средство и мероприятие, могущее содействовать снижению «мазни» духовной жизни нашего народа.

И, однако, если в отношении оздоровления нашего «быта» и искоренения пошляцких бытовых налетов или позаимствований от буржуазных стран постановление ЦК не оставляет никаких сомнений и неясностей, то в приложении к науке и музеям представляется уместным получить добавочные разъяснения.

Но сначала небольшая оговорка в отношении второго «Тезиса» **доклада**, той его части, где дано определение «Задач Музеев»:

В самом деле. Ограничивать научно-исследоват. задачи Музея «разработкой научных проблем и вопросов, направленных в основном на создание экспозиций» — хотя и правильно по существу, но может породить вопрос:

«В чем же спецификом исслед. работы Музея массового типа от подобных же работ „Исследовательских институтов“?» Только ли в том, что результаты первых претворяются в экспонатуре, а вторые — нет?

Признаем полностью, что **все** научные тематики Музеев следует увязывать с экспонатурой, будем помнить, что конкретно помещается в этой последней лишь ничтожнейшая часть научных материалов или результатов каждого научного исследования.

Без такого строго разграничения **«выставочных»** и **«научно-фондовых»** материалов, мы рискуем либо наводнить экспонатуру множеством минуциозных фактов и тематик, недоступных массовому зрителю, либо сужением научного исследования до тесных рамок и границ музейного показа.

В той суммарной, обобщенной форме, как рассматриваемый пункт изложен в «Тезисах» Доклада, — эти две опасности не предусмотрены и не оговорены.

Это — во-первых. И теперь — вторая оговорка.

Как обычно, полностью опущена задача, наиболее специфичная для каждого музея массового типа:

«**Изучение методов музейного показа на основе изучения музейных зрителей.**»

Исследование, разработка **методов** музейной экспозиции, т.е. вопросов, составляющих ядро **Музеологии**. Об этой специфической задаче всех музеев массового типа — мы в предложенных нам «тезисах» не видим ни малейшего упоминания.

И все же — основным вопросом, требующим разъяснения остается пункт, касающийся

«**национальной гордости Советского народа и борьбы с низкопоклонством.**»

Вряд ли нужно говорить, что возникают наши скромные сомнения, **не с принципиальной стороны.**

Принципиально положение предельно ясно и определено.

Или мы не знаем, как доселе и в наших учебниках и в экспозициях музеев и в научных наших сводках и журналах сплошь и рядом достижениям зарубежных авторов гораздо больше уделяется внимания чем советским авторам.

Для иллюстрации — только один пример.

Доселе в наших сводках и учебниках по Биологии, и в частности Антропологии и Дарвинизму фигурируют «Опыты **Келера** с Шимпанзе», проведенные на Тенериффе, в частности рисунок мнимого сознательного конструирования «орудия» (слагания двух бамбуковые коротких палок в одну длинную), и это не смотря на то, что это Келеровское толкование давно научно опровергнуто советскими учеными. Но ни об этих достижениях, ни вообще о ряде несравненно более актуальных и значительных экспериментах, сделанных у нас, советским биопсихологами, большинство наших учебников или музейных экспозиций **не** упоминает.

Примеров типа приведенного нетрудно привести в любом количестве как доказательство глубокой современности выдвигания лозунга «борьбы с низкопоклонством перед западной наукой».

Но бесспорная принципиально эта нужность и оправданность такой борьба может дать повод к некоторым вопросам и сомнениям.

И в самом деле. Где границы, отделяющие факт «Низкопоклонства» от обязанности и потребности воздать признание зарубежному ученому, где грани, отделяющие справедливую борьбу с «низкопоклонством» от невежества, и чувство национальной гордости — от национальной спеси и надменности?

То, что крупнейший в мире, созданный в Москве Музей по Эволюционному учению носит название «**Дарвиновского**», едва ли кто осмелится назвать «Низкопоклонством».

Ну а как быть в отношении былых соратников английского Ученого — Томаса **Гексли, Уоллеса и Геккеля?** в особенности в отношении последнего с его двуликим обликом, «Немецким Дарвиным» и прусским провозвестником фашизма.

В какой мере вообще уместно ныне говорить о «мировой известности» советского ученого?

Не скрою, лично мне всегда невольно претило при виде фотоснимков с наших выдающихся ученых — **Умова, Павлова и Тимирязева** в тогах ученых докторов английских университетов в особенности закрепленная на общеизвестном памятнике Тимирязева.

Но дело ведь не в заграничных только тогах и дипломах.

Дело в том, насколько вообще приемливо и допустимо в наши дни расценивать диапазон советского ученого по степени его известности за рубежом? Или быть может, самое понятие, о — «Мировой известности» нужно изъять из нашей современной речи, нашего лексикона?

Правда, это в газете «**Правда**» от 26 Марта с. г. мы в статье **Заславского** «Адвокат Музыкального Уродства» мы читаем:

— «Мы высоко ценим мировую известность советских деятелей искусств, если эта известность среди широких масс народа, а не среди ограниченного круга музыкальных гурманов».

Но ведь это — в области искусства. Надо думать, что и впредь мы не откажемся от демонстрации наших советских кинофильмов за рубежом и в случае их продолжающегося успеха за границей мы не будем ссылок на такой успех приравнивать к «низкопоклонству»..

Равным образом, мы видимо не собираемся отказываться от посылки наших шахматистов и спортсменов за границу и присваивание нашим выдающимся советским мастерам званий «чемпионов» («европейских» или «мировых») не будет относиться к рубрике «Низкопоклонства».

Но, однако, если в отношении советского **Кино** и **Спорта** можно говорить, что наши достижения в этих областях доходит до широких зарубежных масс народа, то уже в отношении «шахматов», этого ультра-специфического раздела умственной гимнастики, можно уверенно сказать, что «чемпионаты» в этой области интересуют только небольшую группу шахматных «гурманов», оставляя безучастными массы народов.

Но ведь сказанное о «шахматистах» приложило в равной мере к математикам, как представителям абстрактнейшей науки, целиком лежащей «по сторону добра и зла», т.е. нейтральной-политически и не зависящей от граней, налагаемых различиями языка и наций.

Хорошо известно, что доселе при печатании работ советских авторов в советских книгах и журналах-полагалось помещать в конце работы краткие резюме на иностранном языке.

Естественно спросить: что с упразднением этого узуса — повидимому неизбежным.. не окажутся ли соответствующие науки и ученые на положении советского спортсмена, отказавшегося от соревнования и состязаний с зарубежными спортсменами?

Короче и определеннее: считаться ли нам впредь с оценками наших научных достижений за границей, если нет? — то в какой степени это распространится и на деятелей Спорта, конькобежцев, футболистов, шахматистов. Если — нет, то почему такая, обусловленная внешним образом дискриминация? работников физической и умственной культуры, «игровой» (мы разумеем: шахматы, назвать которые серьезным делом вряд ли справедливо!) и культуры умственной, серьезной, именно **научной**, как определяющей духовный, нравственный, моральный уровень страны и нации.

И, наконец, последний, подстилающий все предыдущее, вопрос:

Приветствуя призыв к подъему национального советского самосознания призыв к тому, чтобы переключив все свои силы, знания и пафос творчества на поле мирного труда, мы никогда не забывали о возросших требованиях к ним, к этим работам, оттененным подвигами Севастополя и Сталинграда, именами наших величайших всенародных гениев, уместно высказать здесь опасение, как бы в отдельных случаях эти высокие слова и имена не оказались ширмой, прикрывающей инертность, лень, бездействие и нерадивость...

Как на вопрос: «А Вы что сделали такое»? некоторые лица не сочли бы для себя достаточным сослаться на победы под Москвой и Сталинградом, и на общность Родины с **Чайковским** или **Пушкиным**..

Короче: Где граница, отделяющие чувство национальной гордости и национальной спеси.. и надменности...

Если верить Библии, то даже Ангелы когда-то из-за спеси частью превратились в демонов...

И потому, приветствуя от всей души призывы к наивысшему подъему нашего национального самосознания — я полагаю, что призыв это включает органически другой призыв к тому, чтобы усматривать в этом возросшем чувстве национальной гордости не ширму личного самоуспокоения, но стимул к величайшему подъему, пафосу и творческому напряжению всех сил на утверждение этого советского патриотизма не цитатами из Пушкина, не ссылками на Менделеева, но личным творческим участием на ниве скромных подлинных хотя бы в безызвестных подвигах.

27. III. 48.